

Социальная инженерия: 1920–1930-е годы

В.И. Клисторин

УДК: 304.444, 330.341

DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2025–3–268–277

Аннотация. Статья посвящена обсуждению методологических и содержательных аспектов новой книги доктора исторических наук С.А. Красильникова, в которой представлен развернутый анализ общественных отношений и социокультурных процессов в раннесоветский период развития России. В работе предложена авторская концепция сущности формируемой в этот период системы власти, механизмов ее взаимодействия с различными социальными группами и периодизация этого процесса. Источниковая база и большой фактологический материал позволили автору выявить особенности процессов огосударствления труда в таких разных группах, как крестьянство, рабочие и интеллигенция, описать феномен конформизма в этих группах. Большое внимание уделено проблеме формирования новой социальной структуры и использования подневольного труда. При общей высокой оценке рецензируемой книги, в статье выделены дискуссионные вопросы, требующие дополнительного изучения и содержательного обсуждения.

Ключевые слова: социальная история; индустриализация; интеллигенция; крестьянство; репрессии; депортации; огосударствление; социальная мобилизация; сословия

В начале 2025 г. была опубликована новая книга доктора исторических наук С.А. Красильникова, представляющая собой сборник его статей, посвященный радикальным изменениям социальной структуры и общественных отношений в советской России в период ее становления [Красильников, 2024].

Сергей Александрович Красильников – известный исследователь социокультурной динамики советского/ российского общества, главным образом первой половины XX в. В сфере его интересов – социально-трудовые отношения и конфликты в раннесоветском обществе, взаимоотношения власти и различных социальных групп, включая интеллигенцию, а также репрессивная государственная политика (цели, инструменты, последствия).

Очередную книгу автор предваряет обширным предисловием, в котором не только раскрывает ее замысел и структуру, но и представляет краткую историю собственных научных поисков, выбора темы исследований и отдает долг своим учителям и коллегам. Это предисловие является полноценной научной статьей, поскольку в ней излагается авторская трактовка понятийного аппарата и обсуждаются дискуссии в этой области.

Автор мимоходом отмечает во второй половине 1950-х гг. возрождение советской исторической науки, заключавшееся сначала в неявной полемике гражданских историков, т.е. тех, кто исследовал эволюцию общества как сложного организма, и историков партии, рассматривавших ВКП(б) – КПСС

как демиурга и главного актора общественных процессов. При этом историки этого направления трактовали все партийные решения как единственно верные, а неудачи и издержки списывали на объективные обстоятельства вроде тяжелого наследия царизма или происки внешних и внутренних врагов.

В этот период проходили драматические изменения во всех общественных науках, прежде всего, в экономике и социологии. Даже небольшого ослабления идеологического контроля, восстановления научных контактов с зарубежными исследователями и расширения доступа к научной литературе было достаточно для придания нового импульса в переосмыслении социальной и экономической истории страны, возвращения общественных наук к их истинной цели: изучение не должного, а сущего. В первую очередь это касалось методического аппарата и более глубокого и критического анализа данных официальной статистики.

Разумеется, наибольший прогресс в исторической науке наблюдался уже в конце XX в., когда были открыты ряд архивов и сняты многочисленные табу, стало возможным отказаться от эзопова языка при описании и интерпретации социальных процессов. Самое главное, что удалось значительной части советских историков в тот период – это восстановить непрерывность исторического времени. До этого вся история страны и мира разделялась на два этапа: до и после революции в России. Все несправедливое и архаичное оставалось в прошлом, а все прогрессивное, светлое и правильное создавалось после.

Даже краткий пересказ, тем более анализ книги представляет невыполнимую задачу в силу ее объема (почти 800 страниц) и тематического разнообразия сюжетов (41 статья плюс приложение).

Поэтому остановимся на наиболее важных концептуальных моментах. Прежде всего это попытка выделить основные черты создаваемого в постреволюционной России общества. По мнению С.А. Красильникова, это органическое соединение трех составляющих: идеократии, предполагающей наличие идеологии, которая приобретает всеобъемлющий, доктринальный характер, охранительности, т.е. политики и практики удерживания захваченной/завоеванной власти новой элитой, не обладавшей в период своего утверждения достаточно устойчивой опорой в социуме и, наконец, социальной мобилизации, т.е. воздействия институтов власти на массы для приведения большинства социума, невзирая на его интересы и потребности, в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными.

В действительности в любой диктатуре центральным моментом является удержание и расширение власти группы лиц, а идеология, ритуалы, кампании, репрессии и проч. служат лишь инструментами достижения главной цели. В качестве подтверждения можно сослаться на то, что лояльность идеологическим принципам, роль и место в правящей элите и участие в кампаниях не гарантировало не только карьерного роста, но и жизни.

Широко распространено мнение о том, что как несомненные достижения, так и катастрофы того периода, неразрывно связаны с психологическими

особенностями личности И.В. Сталина [Такер, 1991]. Но С.А. Красильников описывает не роль личности в процессах, а их институциональную основу и механизмы, включение большого числа людей в повседневную деятельность властных структур.

Его авторская гипотеза состоит в фиксации в раннесоветской эпохе периодов «нормальной» и экстремальной социодинамики и их чередования: 1917–1921 гг. (экстремальный – 5 лет); 1922–1929 гг. («нормальный» – 7 лет); 1929/1930–1933 гг. (экстремальный – 4 года), 1934–1936 гг. («нормальный» – 3 года); 1937–1938 гг. (экстремальный – 2 года) [Красильников, 2024. С. 19–20]. Эта периодизация является эмпирическим фактом, но необходимо сделать важное замечание. Надо сказать, это распространенная точка зрения, что периодически руководство страны снижало накал репрессий и предпочитало более мягкие методы управления. Особенно это было заметно в годы нэпа. Но мало кто обращает внимание на то, что в «нормальные» периоды проводилась большая подготовительная работа для перехода к «экстремальным» практикам: формировалась нормативно-правовая база, готовились структуры и кадры для будущих репрессий, обеспечивалась дальнейшая консолидация власти, перераспределялись ресурсы и полномочия между ведомствами.

Необходимо напомнить, что в конце XIX – начале XX вв. были весьма популярны идеи евгеники, начиная с расовых теорий и выделения «чистых» линий, заканчивая воспитанием и образованием в качестве методов «улучшения» породы людей и строительства справедливого общества. Что касается нашей страны, то тут, похоже, использовалась теория академика И.П. Павлова об условных и безусловных рефлексах. О репрессиях, как механизмах построения нового общества и воспитания нового человека, написано много. Эту же тему раскрывает С.А. Красильников в большинстве статей и практически во всех разделах книги. Но наряду с «кнутом» репрессий широко использовался «пряник». Об этом историки пишут меньше, видимо, из-за того, что это подрывает тезис о всеобщем равенстве в СССР или по иным причинам.

Помимо высокого уровня жизни и обеспечения комфорта, иногда более высоких, чем в других странах мира и несравнимых с качеством жизни и потребления в тогдашней России, использовались и моральные стимулы. Внушалось представление о том, что данный человек принадлежит к привилегированной группе: партийной номенклатуре, сотрудникам спецслужб, членам партии, комсомола и даже рабочему классу. Их статус, особые права и привилегии постоянно подчеркивались (в отличие от их материального положения), хотя, как показывает история, не могли гарантировать неприкасаемость.

К моральным стимулам можно отнести и участие большого числа людей в травле отдельных групп и слоев общества, представлявших меньшинства: зажиточных крестьян, представителей ранее привилегированных сословий, казаков, священнослужителей, специалистов и т.д. Ощущение социального реванша,

проявившегося в этих процессах, сыграло значительную роль в стабильности созданной системы и многими до сих пор воспринимается положительно.

Нельзя не отметить, что применявшиеся репрессии, начиная от чисток и запретов на профессии и заканчивая заключением в лагеря и расстрелами, создавали вакуум в органах власти и управления, в промышленности, образовании и науке, во всех прочих областях человеческой деятельности. Возникали невиданные в истории социальные лифты. Отсюда тридцатилетние генералы, директора предприятий и даже наркомы. Память об этом сохранилась надолго, и возникло противопоставление молодости и дерзости того поколения и так называемой геронтократии в последующие периоды.

Другой сюжет, который подробно обсуждается в книге, это взаимоотношения государства и интеллигенции. Автор рассматривает интеллигенцию как социально-культурную ценность, обеспечивающую развитие общества, его преемственность и устойчивость [Красильников, 2024. С. 38]. Но при описании состава групп, относимых к интеллигенции, С.А. Красильников использует, на наш взгляд, расширительное толкование, относя к ней практически все образованные классы, и прежде всего специалистов. Дело в том, что, строго говоря, под интеллигенцией понимается группа, признающая приоритет духовных потребностей над материальными, способная к критическому восприятию действительности и прошлого опыта, их систематизации, а также к пониманию социальной ответственности. Это соответствует определению В. Даля как разумной, образованной, умственно развитой части жителей. Очевидно, что это достаточно узкая группа, особенно в тогдашней России.

В дореволюционный период значительная часть интеллигенции симпатизировала радикальным партиям, но потом их пути разошлись, поскольку и власти, и интеллигенция претендовали на выражение интересов и чаяний народа и в этом смысле были конкурентами.

Когда С.А. Красильников пишет о конформизме интеллигенции, он описывает поведение именно специалистов, для которых ценностью и часто смыслом жизни является самореализация, а не социальная ответственность [там же. С. 36–41]. Отношение к специалистам со стороны государства было чисто прагматическим. С одной стороны, как отмечал В.И. Ленин в письме к М. Горькому, им следует обеспечивать высокую зарплату до тех пор, пока не окрепнут «интеллектуальные силы рабочих и крестьян». Что касается тогдашней интеллигенции, то это пособники буржуазии, «не мозг, а говно»¹. Ненависть большевиков к творческой интеллигенции и священнослужителям объясняется конкуренцией за влияние на умы. Но она распространялась и на все образованные классы.

Бытовало отношение к специалистам и человеческому капиталу вообще не как к широкому слою профессионалов, обладающих знаниями, квалификацией

¹ Письмо В.И. Ленина М. Горькому 15 сентября 1919 г. URL: https://revolucia.ru/lenin51_47.html (дата обращения: 30.03.2025).

и компетенциями, накапливаемыми годами упорного труда, технологиями самоорганизации и взаимодействия, т.е. чему-то уникальному и обеспечивающему экономическое развитие, а как к набору отдельных работников, полезных на определенном этапе социалистического строительства, в принципе взаимозаменяемых и, в конечном счете, расходному материалу. В номенклатуре была распространена формула, что количество само по себе является качеством. Это особенно ярко выразилось в так называемых политических процессах конца 1920-х гг. и далее [Красильников, 2024. С. 658–700].

Особого внимания заслуживают репрессии в отношении ученых. Чаще всего вспоминается «философский пароход», собственно философы на котором составляли меньшинство. Известно об арестах примерно 100 действительных членов и членов корреспондентов Академии наук в советское время, многие из них были расстреляны, умерли в заключении или ссылке². Ученых лишали званий и возможности вести научную работу, исключали из Академии наук [Трагические судьбы, 1995]. Некоторым повезло вместо лагеря попасть в «шарашки», истории становления которых посвящена отдельная статья [Красильников, 2024. С. 157–171]. Следует отметить, что эффективность интеллектуального труда заключенных часто переоценивается. В подобных учреждениях высока роль научного лидера, а такие люди часто верят в свою непогрешимость. Более того, ученым, как и людям вообще, не чужды такие качества, как упертость, зависть, злопамятство, жадность и жажда власти.

Наука и инженерное дело предполагают обсуждение и состязательность идей и решений, нацелены не только на подтверждение, но и на опровержение ранее полученных результатов. Отсутствие свободной дискуссии, трудности совмещения лабораторий и цехов с тюремным режимом и многое другое в конечном счете заставили отказаться от подобной формы организации науки и заменить шарашки закрытыми научными городками. Вообще полезно прочитать статьи автора об эффективности принудительного труда и межведомственных конфликтах по поводу контроля и администрирования финансовых потоков, проходящих через систему исполнения наказаний.

Большая часть книги посвящена судьбе крестьянства – наиболее многочисленного слоя российского/ советского общества в рассматриваемый период. Этой теме посвящен специальный раздел «Раскулачивание? Нет – это репрессивное раскрестьянивание» [там же. С. 313–498], в котором представлена авторская реконструкция процессов и политики по отношению к крестьянству, прежде всего анализ нескольких волн депортации крестьянских семей в спецпоселения. Буквально одной фразой С.А. Красильников упоминает довоенные депортации и другие репрессии против отдельных национальных меньшинств

² «Гениев не бывает». За что расстреливали и сажали ученых в СССР // Лента.ру, 2016. 5 июля. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/05/repressions/> (дата обращения: 30.03.2025).

(корейцев, поляков, немцев и, добавим, финнов и эстонцев, греков, китайцев и др.), хотя история «чисток» приграничных территорий заслуживает более развернутого обсуждения.

Острота дискуссии в этой области не спадает, поскольку до сих пор используются такие понятия, как «раскулачивание» или «трудовое воспитание», эпитеты типа «представители эксплуататорских классов» и прочее. Те исследователи, которые пытаются оценить вклад репрессированных в экономическое развитие страны, фактически признают необходимость использования депортаций и системы принудительного труда в тех условиях. Они могут сетовать на излишние жертвы, но такая позиция близка к апологетике террора. В нескольких разделах книги есть статьи, посвященные теме репрессий [там же. С. 55–66, 113–120, 172–186].

Представляется важным обсуждение целей и механизмов мобилизации во всех областях жизни общества: экономической, политической, духовной, идеологической и социальной. Этой теме посвящен ряд статей первого раздела книги [там же. С. 76–136]. Но автор неоднократно возвращается к ней в других частях и выделяет феномен социальной мобилизации (в отличие от мобилизации ресурсов) как «воздействие институтов власти на массы, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений». Для достижения социальной мобилизации использовалось насаждение тезисов о внешней угрозе, происках внутренних врагов, фабрикация судебных дел в так называемых политических процессах, и даже собственные провалы властей в экономической политике, например, голод как прямой результат коллективизации.

Автор подчеркивает обязательную вовлеченность и сопричастность к действиям власти масс населения и делает вывод о том, что «социальная мобилизация – это деформированный, искаженный и фальсифицированный вариант модели общественного договора западного типа в его советско-сталинском варианте» [там же. С. 76]. В выявлении и учете «лишенцев» участвовали многие общественные организации – профсоюзы, домовые комитеты и т.д. В «раскулачивании» принимали участие многочисленные низы сельского населения. Для обеспечения «вымывания» старой интеллигенции самозабвенно «трудились» молодые поколения студентов и преподавателей вузов [там же. С. 65].

С.А. Красильников предлагает собственную классификацию социальной мобилизации и выделяет ее важнейшие характеристики. Он утверждает, что это понятие позволяет непротиворечиво объяснить сосуществование и взаимодействие таких формально противоположных феноменов, составлявших основу тоталитарных обществ, как государственный террор и принуждение, с одной стороны, и массовый трудовой и политический энтузиазм (стахановское движение, освоение новых территорий) – с другой. Но представляется, что упоминавшееся выше создание социальных лифтов в результате массовых репрессий также сыграло немаловажную роль. Автор подчеркивает, что страна на протяжении всех 1930-х гг. находилась в состоянии полумира-полувоины,

организационно-технологических и психологических кризисов, перегрузок и катастроф. Добавим, что важным ресурсом власти была невротизация общества.

Стремление подчинить государству-партии все стороны жизни означали и мобилизацию в сфере трудовых отношений. С.А. Красильников подробно описывает процессы этатизации сферы труда путем введения принципов всеобщности и обязательности труда, делением его на общественно полезный и «эксплуататорский», возвышения индустриального труда над прочими (рабочие «от станка», «рабочая косточка», трудовые династии). Одновременно автор подчеркивает, что обязательность труда постепенно превращалась в фактически подневольный труд не только для репрессированных, но и для большинства населения. Институты защиты прав рабочих постепенно подчинялись государству, партии и спецслужбам или ликвидировались. В том же направлении действовала система социальной маргинализации, запреты на профессии, особенности распределительной системы и оплаты труда и, наконец, карточная система.

Завершает книгу опубликованное автором в 1998 г. в Новосибирском государственном университете учебное пособие под названием «На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов)».

Общий вывод С.А. Красильникова состоит в том, что в результате социальных преобразований раннесоветского периода российское общество в целом маргинализировалось и архаизировалось. В качестве примеров он приводит восстановление сословий, характеризующихся не только различными видами занятости, но и наличием/отсутствием привилегий, уровнем и качеством жизни, различием в правах. О фактически сословном характере советского общества писали и многие другие авторы. На эту же мысль наталкивает и анализ системы принудительного труда, вызывающий ассоциации с рабством и крепостничеством.

Исторические аналогии и использование понятийного аппарата, относящегося к иным эпохам, всегда условны. В любом случае в рассматриваемый период только закладывались основы сословного общества, поскольку система передачи по наследству социального и имущественного статуса еще только зарождалась, а социальная мобильность была высокой. Кроме того, от некоторых институтов пришлось в дальнейшем отказаться, например, от ограничений на территориальную и профессиональную мобильность. Скорее следует говорить о складывающейся в тот период системе кланов, когда каждый руководитель тянул за собой большое количество проверенных и преданных лично ему соратников, свою команду.

Что касается маргинализации, то вовлечение широких кругов населения в кампании чисток, поиск вредителей, ритуалы и праздники позволяло сделать сопричастными к репрессиям различные слои и, возможно, большинство населения. Таким образом социальная мобилизация становилась важнейшей опорой режима, способствуя атомизации общества и, как следствие, его устойчивости.

Одновременно следует упомянуть и «пролетаризацию» управленческих кадров, науки и образования, что повлекло за собой существенное снижение профессиональных и моральных качеств, занятых в этих сферах. Невольно вспоминаются слова И. Кохановского, написанные в 1989 г.:

*Изобразить воистину счастливых,
По праву заслуживших легендарность...
Держава, обессиленная в пытках,
Ещё не знала о потерях сущих,
Не знала, что КОЛИЧЕСТВО убитых
Откликнется ей КАЧЕСТВОМ живущих³.*

В 1920–1930-х гг. наблюдались высокие темпы экономического роста. Даже по альтернативным оценкам, т.е. с учетом выявленных искажений советской статистики, в стране наблюдался самый высокий экономический рост за весь советский период [Ханин, 2023]⁴. Особенно это было заметно в 1930-е годы на фоне Великой депрессии. Причины этого хорошо изучены: эффект низкой базы после империалистической и гражданской войн, резкие структурные изменения в экономике, способность государства мобилизовать ресурсы для ускоренной индустриализации. В меньшей степени изучены механизмы импорта технологий и капиталов, эффективность использования ресурсов и, главное, долгосрочные социально-экономические последствия индустриального рывка в СССР. Дискуссии среди экономистов в этой части продолжаются [Российские реформы, 2021]. Вместе с тем, ориентируясь исключительно на экономические показатели, многие авторы игнорируют важную цель экономического анализа: соотношение затрат и результатов.

Книга С.А. Красильникова предполагает не простое чтение. Большой объем и сложная структура работы, различная глубина анализа и списка используемых источников в отдельных статьях, написанных в разное время и в разных условиях, и, наконец, неизбежная мозаичность при описании различных сторон социально-политических процессов заставляют читателя все время быть в напряжении, сопоставляя авторские выводы и оценки с ранее полученными знаниями.

Хотя автор пишет, что издание рассчитано на профессиональных историков, преподавателей и всех, кто интересуется историей раннесоветской эпохи, книга может быть полезной для представителей других общественных наук, включая экономистов, но рассчитана она на подготовленного читателя.

³ Кохановский И. Закон диалектики. URL: <https://stihi.ru/2018/07/26/8316> (дата обращения: 30.03.2025).

⁴ См. так же мою рецензию на эту книгу: *Клисторин В.И.* Отрезвление: сталинская индустриализация в цифрах и фактах. К очередной монографии Г.И. Ханина // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 3, ч. 2. С. 235–251.

Литература/References:

- Красильников С.А.* Переосмысливая радикальные трансформации раннесоветской эпохи. Избранные статьи 1995–2024 гг. М.: Политическая энциклопедия. 2024. 791 с. (История сталинизма).
- Krasilnikov, S.A. (2024). *Rethinking Radical Transformations of the Early Soviet Era. Selected articles 1995–2024. (History of Stalinism)*. Moscow. Political Encyclopedia. 791p. (In Russ.).
- Российские реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа. Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2021. 452 с.
- Russian Reforms in the Regional Dimension: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Devoted to the Centenary of the Beginning of the NEP*. Institute of History SB RAS. (2021). Novosibirsk. Parallel. 452 p. (In Russ.).
- Такер Р.* Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность. М.: Прогресс. 1991. 480 с. (In Russ.).
- Tucker, R. (1991). *Stalin: the road to power. 1879–1929. History and personality*. Moscow. Progress. 480 p. (In Russ.).
- Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР, М.: Наука, 1995. 253 с. URL: <https://ihst.ru/projects/sohist/fates.htm> (дата обращения: 30.03.2025).
- Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences*. (1995). Moscow. Nauka. 253 p. (In Russ.). Available at: <https://ihst.ru/projects/sohist/fates.htm> (accessed 30.03.2025).
- Ханин Г.И.* Экономика СССР в годы первой пятилетки. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2023. 155 с.
- Khanin, G.I. (2023). *The USSR Economy in the Years of the First Five-year Plan*. Novosibirsk. Siberian Academy of Public Administration. 155 p. (In Russ.).

Статья поступила 14.04.2025

Статья принята к публикации 16.04.2025

Для цитирования: *Клиторин В.И.* Социальная инженерия: 1920–1930-е годы // ЭКО. 2025. № 3. С. 268–277. DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–3–268–277

Информация об авторе

Клиторин Владимир Ильич (Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.
E-mail: klistorin@icie.nsc.ru; ORCID: 0000–0002–4011–5932

Summary*V.I. Klitorin***Social Engineering: 1920–1930s**

Abstract. The paper reviews methodological and substantive aspects having in a new book by Dr. S.A. Krasilnikov, which presents a detailed analysis of social relations and socio-cultural processes that took place in the early Soviet period of Russia's development. His work

presents the author's concept of the essence of the power system formed in this period and mechanisms of interaction between the authorities and various social groups and periodization of this process. The source base and a large factual material allowed S.A. Krasilnikov to specify the peculiarities of the processes of labor denationalization, including such different groups as peasantry, workers and intelligentsia, as well as to describe the phenomenon of conformism in these groups. Much attention is paid to the problem of forming a new social structure and the use of forced labor. With a general high assessment of the reviewed book, the author highlights controversial issues that require additional study and meaningful discussion.

Keywords: *Social history; industrialization; intellectuals; peasantry; repressions; deportations; denationalization; social mobilization; estates*

For citation: Klistorin, V.I. (2025). Social Engineering: 1920–1930s. *ECO*. No. 3. Pp. 268–277. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2025–3–268–277

Information about the author

Klistorin, Vladimir Ilych (Novosibirsk) – Doctor of Sciences, Professor.
Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000–0002–4011–5932